

18+

Кривель Даниил

*Тишина
в многоэтажке*

*Стихотворения, белые
стихи, верлибры*

Даниил Кривель
Тишина в многоэтажке.
Стихотворения, белые
стихи, верлибры

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73785803

ISBN 9785006975170

Аннотация

Эта книга про те моменты, когда остаёшься один на один с собой и вдруг замечаешь, как много всего на самом деле внутри. Здесь нет правильных ответов и громких истин – только попытки дышать в такт с городом, узнавать себя в старых фотографиях, слушать, о чём шепчут вещи на кухне, и не бояться тишины. Стихи и проза, рифмы и верлибры – всё это просто способ поговорить о том, что болит, греет и не отпускает. Если откроешь в середине и найдёшь строчку про себя – значит, не зря.

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ	6
Часть I – Рифмы	7
В зеркалах	7
Не жалейте	10
Мой путь	12
Я тоже человек	14
Следы на песке	17
Там, где мы были	18
Деревушка	20
Я снова здесь, в краю отцовском	22
Не возвращайся в прежние места	23
Не приходи туда, где ждали	26
Даже с разбитым сердцем можно любить	28
Пара страниц	30
Весна в груди	31
Осенняя песня	33
Зимняя элегия	35
Ты был на море?	37
Незванные гости памяти	38
Поезд и Ты	40
Дружба на краю света	41
В чёрном небе – ни звёзд, ни просвета	43
Безмолвие	45

Один	47
Псина	49
Дверь	51
Безмолвный пир	53
Сквозь шумный город я иду один	55
Аквариум	56
Осень в груди	57
Часы	59
Монолог у зеркала	62
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Тишина в многоэтажке Стихотворения, белые стихи, верлибры

Даниил Кривель

© Даниил Кривель, 2026

ISBN 978-5-0069-7517-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ПРЕДИСЛОВИЕ

Человек читающий.

Перед вами не манифест и не исповедь. Скорее – попытка остановить мгновение. Зафиксировать тот хрупкий миг, когда внутри что-то ёкает, когда одиночество становится осязаемым, когда любовь, даже разбитая, всё ещё стучит.

Здесь нет пафоса и готовых истин. Есть вопросы. Есть попытки дышать в такт с городом, с тишиной, с памятью. Есть бетонные многоэтажки и деревенское детство, есть вокзалы и пустыри, есть разговоры с зеркалами и с самим собой.

Эти стихи рождались в разные годы, в разные ночи. Где-то от боли, где-то от счастья, а где-то – просто от невозможности молчать.

Если узнаете себя в какой-то строчке – значит, мы встретились. Значит, не зря.

Спасибо, что зашли. Чайник на кухне, можете налить себе чаю. А я пока посижу в своём углу, послушаю тишину, из которой эти стихи когда-то вышли.

Искренне,

Кривель Даниил

Часть I – Рифмы

В зеркалах

Не ищите себя в отражениях глаз,
Не меряйте душу чужими аршинами.
Каждый в этом мире – единственный раз,
Каждый написан своими вершинами.

Не бегите за теми, кто быстрее и ловчей,
Не завидуйте тихой судьбе соседа.
Ваша жизнь – это пламя горящих свечей,
А не тень от чужого обеда.

Вы спросите: «А в чем же мой путь?
Где та самая, главная, веха?»
А он не там, где легко вздохнуть,
А там, где страшно, и нету смеха,

Где вы падали, но поднимались вновь,
Где теряли, но всё же нашли что-то.
Это ваша, понимаете, кровь,
Это ваша высота и работа.

Не бывает вторых и ненужных людей,
Каждый светит своим, пусть и малым, светом.
Просто в суете бесконечных дней
Мы проходим мимо с пустым билетом.

Мы всё ищем ответы у мудрецов,
В книгах, в интернете, в вине, и в постели.
А ответ – он внутри, под толщей слов,
В том, что вы на самом деле

Чувствуете, когда никто не видит,
Когда маски сброшены и молчат часы.
Что вас ранит, а что ненавидит,
От какой вы сгораете красоты?

Философия – простая, как свет в окне:
Быть собой. Несмотря на погоду, моду, эпоху.
Не навязывать душу чужой весне,
Не ломать себя о чужую эпоху.

Жить. Дышать. Ошибаться. Любить.
Падать в пропасть и верить в рассветы.
Никого никогда не судить. И себя простить
За все те, что не сбылись, обеты.

И тогда, в тишине, на краю земли,

Вы поймёте, без лишней морали:
Все ответы, что так долго не шли, —
В вашем сердце. Они просто ждали.

Не жалеите

Никогда не жалеите о том, что ушло,
Что растаяло дымкой в далеком рассвете.
Всё, что было, – не зря, всё, что есть, – хорошо,
Просто жизнь не линейна, как думают дети.

Не жалеите о сказанных громко словах,
Даже если они разорвали на части.
Каждый сам выбирает свой страх и размах,
Каждый сам выбирает свое право на счастье.

Не жалеите, что кто-то ушел навсегда,
Не держите обид тяжелое одеяло.
Отпустите – и в сердце придет чистота,
Чтобы та, что осталась, любовь не устала.

Не жалеите, что в юности жили не так,
Что не то получили, не там оказались.
Наш жизненный путь – это не пустяк,
Это мы своей волей по нему пробирались.

Не жалеите тепла, даже если в ответ
Вам прилетит холодом, злом иль насмешкой.
Если в вас еще держится внутренний свет,

Значит, вы еще дышите, значит, вы не с пеплом.

Никогда не жалейте, что верили лжи,
Что споткнулись, упали, поднялись и снова.
Без падений не выдержать эту жизнь,
Без потерь не понять нам чужого, родного.

Не жалейте о том, что не сбылось во сне,
Что мечты не достали рукой наяву.
Просто кто-то на этой огромной земле
Вас увидел и понял: вы – та, кем живу.

И пока в вашем сердце есть силы любить,
Пока можете чувствовать боль и потери,
Значит, есть для чего эти жизни прожить.
Ничего не жалейте. Ни в чем не жалейте.

Мой путь

Я одинок, как замок в поле,
Что бури точат сотни лет.
Никто не разделил мне доли,
Никто не дал бы мне совет.

Я с детства не искал участия,
Я не умел просить любви.
Мне обещали рай и счастье,
А дали крест – вперед, плыви.

И я поплыл по волнам света,
Разбив о рифы свой покой.
Во мне не высохло всё лето,
Но осень правит надо мной.

Мне скучен шум людского стада,
Мне душен их ничтожный пыл.
Им подавай награду, злато,
А я – свободу полюбил.

Свободу? Нет, её оковы
Мне жгут запястья и виски.
Я жить хочу, но вечно новым,

Чтоб не сгораться от тоски.

А тоска – она как зверь в берлоге,
Свернулась в сердце и молчит.
Я на протоптанной дороге,
Но путь мой в стороны бежит.

Иду один. Пустыня знойна,
А в ней – миражи и пески.
И от того мне так спокойно,
Что всё, что было – вопреки.

Я не ищу себе спасенья,
Не верю в дружбу и в любовь.
Мне жизнь дана как наважденье,
Чтоб я познал всю боль и кровь.

Я тоже человек

Я помогу, я подниму, решу.
Но в глубине души я тихо прошу:
Чтоб полюбили, даже если пришлось,
И так, чтобы сердце зажглось.

Я устал быть опорой, стеной.
Хочу быть человеком, а не тумбой резной.
Чтоб смеялись со мной, а не строили планы,
Чтоб в глазах находили мои же туманы.

Да, я сильный. Да, я подставляю плечо.
Но и мне иногда чуть-чуть тяжело.
Мне нужен не рыцарь на белом коне,
А тот, кто увидит сомненье во мне.

Не ждите лишь действий, лишь помощи ждите.
В минуты раздумий ко мне приходите.
И если уж любите, то любите всего
И усталые руки, и душу его.

Я тоже хочу иногда обронить:
«Не знаю, куда мне идти и как же мне быть».
И в ответ получить не совет, не упрёк,

А чтобы ты просто притих и прилѣг.

Чтоб в тихой беседе за чашечкой чая
Горели не свечи обязанности – рая
Просто частичка. Где можно молчать,
И в этом молчании, не пропадать.

Чтоб силу мою не считали гранитом,
А тёплым, живым и таким необитым
Причалом, куда возвращаются с болью,
И плачут, и греются доброй любовью.

И в этом не слабость, а высший расчёт:
Из двух одиноких рождается взлёт.
Когда мы, как люди, друг другу нужны,
Не только в грозу, но и в ясные дни.

И сняв доспехи этой тесноты,
Лежать в траве, глядя в небесные цветы,
И знать, что рядом спит родная тень,
И я для неё – целый мир, а не день.

А день этот – вечность в одном миге сна,
Где нету «вчера», и «завтра» не видно пока.
Где корни сплетаются в общий узор,
Не зная ни страха, ни споров, ни ссор.

Чтоб в этом мире, где всё так остро,
Был тихий угол, берег, остров,
Где время течёт не спеша, как вода,
Стирая усталость, тревогу, года.

И пусть в ладони, изнурённой годами,
Порой дрожит росинка не словами,
А просто взглядом, полным тишины,
Который понят будет без вины.

И чтобы эта малость, это «быть»
Могло как воздух – просто в грудь входить,
Не требуя наград и громких фраз,
Остаться навсегда в сердцевине нас.

Следы на песке

С годами понимаешь: суета —
Лишь шум, что создан, чтоб не слышать тишину.
Что важные когда-то «да» и «нет»
Стираются, как надпись на снегу.

С годами понимаешь: люди – гости,
Одни заходят, чтобы обогреть,
Другие – чтоб оставить после
Осколки, в кровь разрезавшие плоть.

Но и за тех, и за других спасибо.
За тех, кто уходя, закрыл окно,
За тех, кто врал красиво и фальшиво,
За тех, кто подарил вино

Из горьких ягод, выращенных сердцем,
За тех, кто не допел и вдруг пропал.
Вы все – мои, приправленные перцем,
Вы все – мой ценный, хоть и горький, опыт, шквал.

Там, где мы были

Помнишь тот старый дом на окраине,
Где за сараем крапива стеной?
Мы были маленькими и отчаянными,
Мир был большой и совсем не чужой.

Помнишь, как пахло смородиной мятой,
Бабушкин фартук в муке и тепле?
Вечер накрыт под настольной лампой,
Счастье таилось в любом уголке.

Мы убегали босыми ногами
По лужам теплым после дождя,
Небо сияло за васильками,
Ввысь уводили отцов плечи, маня.

Помнишь скрип половиц на крыльце разохшем,
Старые качели на толстом суку?
Мы в детство это так и не дошли,
Хотя живём уже на веку.

Время стирает черты и лица,
Двор зарос травой по весне.
Но иногда, когда сон лишь снится,

Я опять там – на старом окне.

Где лимонад и песочное счастье,
Где не болела ни спина, ни душа,
Где все ошибки – пустое ненастье,
Жизнь – как река, хороша, не спеша.

Мы разлетелись по разным датам,
Кто в города, кто в свои миражи.
Но остаётся, как свет заката,
То, что мы спрятали в кладовой души.

То, что не купишь ни за какие деньги,
Не возвратишь, не попросишь займы.
Детство – отблеск на старом стремяни,
Тёплый кусочек нашей зимы.

И пускай седина в висках серебрится,
И по-другому поют ветра.
В каждом из нас эта дверь не затворится,
В детство открыта нам всем пора.

Деревушка

Где-то там столицы, будни городов,
Где огни неоновые землю душат,
А в глуши, под шепот елей и берёз,
Дремлет деревушка, где все дружат.

Там пахнет дымком из печных очагов,
Свежим сеном, что сложили в закрома,
И землёй, что после добрых вешних слов
Отдаёт всю нежность, нас кормя.

Хозяин – главный на весь двор,
Колокольчик на корове – песнь простая.
И каждая тропинка, каждый косогор
С детства душу мою знают, не скрывая.

А вокруг – поля в родимом своем краю,
Что купаются в зелени у самой речки.
И берёза-свеча бросает тень на хвою,
И качели, как в детстве, из старой дощечки.

И ведь в этом вся она, моя страна,
Не в граните парадном, не в блеске стали.
Она – в этой деревенской простоте ценна,

Да в избах, чьим теплом мы все дышали.

Она – в доброте потрёпанных рук,

Что меня в детстве у кровати качали.

Она – в материнском слове – тот звук,

И в том, как под защитой её мы все спали.

Так живи же, деревушка, седая от времён,

Ты – душа её, начало всех начал, исток.

Ты – малая родина, что стала всей страной,

Ты – тот самый единственный островок родной.

Я снова здесь, в краю отцовском

Я снова здесь, в краю отцовском,
Где липы тянутся ко мне,
И пруд, в тумане деревенском,
Все так же дремлет в тишине.
Вот мельница, скрипят устало
Крылами в утренней дали,
Здесь сердце так покорно стало
Забвенью сладостной земли.
Люблю сей кров, что веет миром,
Дымок, ползущий из трубы,
И этот лад, что стал кумиром
Для чуждой суеты борьбы.
Я раб твоих полей и нивы,
О, тихой родины приют!
Где дни, как старцы, молчаливы,
Где песни, как цветы, поют.

Не возвращайся в прежние места

Не возвращайся в прежние места.
Всё высохло, истлело и не дышит.
Там только боль, что Божьим промыслом не слышит
Твоих шагов. И жизнь уже не та.

Там тот же дом, но сняты уже ставни,
И липы те, да только ствол в золе.
Всё, что помнил ты, спит в чужой земле,
А что любил – умчалось, словно сани.

Ищи ли зря истоптанный порог?
Иль думаешь, тебя там кто-то встретит?
Собака старая? Она уж не заметит,
Кто ты – чужой, ступивший на порог.

Не возвращайся. Память – это храм,
Но в старом храме свечи не зажгутся.
Там только боль и сумерки плетутся,
Как тени по разбитым алтарям.

Ты был там счастлив? Значит, был дурак.
Не потому, что счастье – это мнимо,
А потому, что, став непоправимо

Иным, не плачут. И не делают вот так —
Не ходят в сны, где выросли крапивой
Тропинки детства. Где река – прудком,
Где стал ты для себя незнакомым человеком.

Не возвращайся. Это не твой дом.
Ты там теперь – никем не жданный гость.
И, сколько б душу ни пекло морозом,
Ты обжигаться больше не рискуй.

Есть горькая и трезвая струна
Во фразе той, похожей на проклятье:
«Не возвращайся в прежние объятия,
Где для тебя бокал и свет окна».

Истина горька и так проста:
Всему свой час. И, если дверь закрыта

Не взламывай. За нею лишь плита
Твоей любви, что Богом позабыта.

Смотри вперёд. Там та же боль и снег,
Но ты идешь – не призрак, не калека,
Понявший наконец-то за полвека:

Туда дороги нет. И нет. И нет.
Не возвращайся в прежние места.

Не приходи туда, где ждали

Не приходи туда, где ждали.
Там всё не так. И ты – не тот.
Там половицы врать устали,
И половину лет – не в счёт.

Там на стене другой рисунок,
Другая люстра, шкаф не там.
И взгляд уже не юн, не узок,
А просто выцвел по краям.

Не приходи туда, где верил,
Что мир готов тебе принадлежать.
Где запертые двери
Не смели даже дребезжать.

Где мать смотрела с фотографий
Таким знакомым, тёплым днём,
Но нет тех ламп, нет тех оладий,
И дом давно уже не дом.

Там голоса звучат иначе,
И половины слов не жди.
Там о тебе давно уж плачет

Тот, кто остался позади.

Не приходи туда, где снилось
Тебе когда-то долго жить.
Там всё чужое, словно милость,
Которую тебе не заслужить.

И если вдруг в окне увидишь
Тот самый свет, что так манил, —
Ты это солнце ненавидишь
За то, что день похоронил.

Там нет тебя. Там призрак бродит,
Закутанный в твоё пальто.
Никто тебя там не находит,
И не ищет уж никто.

Даже с разбитым сердцем можно любить

Даже с разбитым сердцем можно любить,
Осколками в раны пуская лучи.
Там, где учили «терпеть» и «забыть»,
Ты шепчешь упрямо: «Гори, не молчи».

Даже с разбитым сердцем, по венам – бетон,
Где каждый удар отзывается болью,
Ты строишь из пепла надежды закон,
Пропитанный солью, пропитанный ролью.

В нем нет уже места для розовых снов,
Где всё непременно закончится сказкой.
Там эхо шагов и молчанье без слов,
И мир, прикрывающий душу опаской.

Но если, разбитое, всё же стучит,
Пытаясь согреть озябшие руки, —
Значит, не всё еще в пепле сгорело,
Значит, еще не забыло разлуки.

Даже с разбитым сердцем, сквозь ветер и тьму,
Где прошлое камнем висит на запястьях,

Ты веришь рассвету, наперекору всему,
И носишь любовь не в груди, а в причастьях.

В причастности к боли, к теплу, к тишине,
К тому, кто однажды ушел, не прощаясь.
Ты учишься жить не на черной волне,
А просто живешь, чуть-чуть ошибаясь.

Окраина нежности, край бытия,
Где целое – вовсе не признак здоровья.
Ты светишься светом, похожим на «я»,
И светишься тихо, без громкословья.

И если спросят: «А стоит ли? Чем?» —
Ответишь, устав от бессмысленных споров:
«Даже разбитое сердце – зачем?
Затем, что не знает ни стен, ни заборов.

Оно пропускает сквозь трещины свет,
Который внутри берегли там ревниво.
В нем «можно любить» – это главный ответ,
Когда мир кричит, что любовь некрасива».

Пара страниц

Вечер тихо роняет листья,
Зажигая в пруду фонари.
Я хочу о тебе, о чистой,
Говорить до самой зари.

В шелесте твоих нежных ресниц
Мне сияет далекий свет.
Мы всего лишь пара страниц
В книге, которой конца нет.

И не надо громких признаний,
Есть у времени тихий ход.
Просто шёпот твоих дыханий
Этот мир для меня создаёт.

Весна в груди

Апрель обманывал с утра, слепил прохожих,
Лучом играл на тысяче стекла.
Ты на него так хоть бы чуть похожа —
Стекаешь с крыш, сходила и сошла.

Я ждал тебя, как ждут тепла с востока,
Как снег ждет первый робкий ручеек.
И в городе, промозглом и жестоком,
Твой силуэт – весенний огонек.

Еще в пальто, но шарф уже не нужен,
Еще ветра, но в воздухе – вино.
Ты появилась, словно свет из стужи,
И в сердце все, что спящим быть должно,

Вдруг застучало, треснуло, проросло
Сквозь асфальт равнодушия и скуки.
Соединились небо и весло,
И одиночество ушло, сложивши руки.

Я не искал, но ты сама случилась,
Как этот ливень, хлынувший стеной.
Во мне зима на миг заворожилась,

Чтобы уйти. Я снова стал живой.

Осенняя песня

Вхожу я в темные храмы,
Где свечи тихо плывут.
Но в этом сумрачном храме
Тебя не найдут, не найдут.

Мне голос шептал: «Оставь ее,
Она лишь сон в вышине».
Но сердце билось, бесславие
Клубилось в туманном окне.

Я ждал. Я верил. Но тени
Сгущались у входа, стеной.
И чей-то венчик сирени
Качался над сонной водой.

Ты проходила, как лодка,
Разрезая туман и года.
И каждый взмах твой и кроткий,
И каждый – как в сердце беда.

Но нет. То не ты. То ветер
Играет листвой у ворот.
То листья, которых не встретил,

Кружат, ускоряя полет.

Ах, осень, моя Незнакомка,
Ты снова хохочешь в толпе,
И юность плывет негромко
Навстречу ночной судьбе.

И снова, как в юности, страстно
Я рук не решаюсь поднять.
И только во сне, ежечасно,
Тебя призываю опять.

Но свечи плывут, догорая,
И ладан, как память, тяжел.
И кто-то, сквозь ночь повторяя,
Мне имя твое не нашел.

Зимняя элегия

Опять метель. В стекло струится
Холодный, сизый, мертвый свет.
Никто уже не постучится,
Никто не явится вослед.

За переплетом оконным – пусто,
В груди – давно забытый страх.
И только шарканье капусты
На задремавших кухнях, на столах.

Я ждал. Я звал. Но розы вянут,
И маски сброшены давно.
Кого-то помнят, кем-то станут,
А нам – темно, темно, темно.

Звонок трамвая – дальше, тише.
Скрипит перо, поет пурга.
И кто-то тихий, с кем мы дышим,
Вдруг прекращает ждать врага.

Быть может, ты. Быть может, кто-то,
Кому назначено судьбой
Прийти на вздохе, у поворота,

Накрытый вьюгой, сам не свой.

Но нет. Лишь ветер гнет березы,
Да снег летит в лицо, хлеща.
И остывают наши слезы,
В сосульки мерзлые смерзаясь не спеша.

Так спи же, город. Спи, бывшее.
Спи, ожиданье, без конца.
Лишь сердце маятником злое
Качает тени у крыльца.

Ты был на море?

Ты был на море?... Я тоскую.
А на небе говорят о море.
И днём, и ночью – я вслепую
Ловлю его во всём: в глазах, в просторе.

Я окна открываю настежь —
И кажется, что ветром с юга
Доносится... Я вижу даже
Тот парус одинокий... Друга

Хочу на море, где так ясно
Сливаются земля и свет,
Где исцеляется прекрасно
От всех тревог души – рассвет.

Незванные гости памяти

Не стирай меня, даже если новые руки
Согреют ладонь твою жарче свечей.
Я не прошу ни возврата, ни даже печали
Просто оставь мне рассвет на краю этажей,

Где я, как старый альбом в глубинах комода,
Где-то меж смеха и первых разбитых сердец...
Ты отыщешь меня – не в слезах, а в свободе,
В шепоте ливня, что прет как наглец.

Мы были – и это не вычеркнуть штрихом,
Не переписать, не сжечь, не забыть.
Пусть другие дарят тебе апельсины,
А я останусь тем, кто учил их ценить.

Жизнь разводит нас: не спеша, не со зла.
Но если вдруг станет пустым твоё небо
Признай, что когда-то мы в нём рисовали
Смешных котов на фоне жаркого лета.

Я бы снова избрал этот путь без сюрпризов
Боль, полумрак, наши ночи без сна...
Ведь даже прощая, мы что-то теряем.

Ты – мой вечный сюжет. Но ты осталась одна.

А сейчас посмотри, за окном голубеет,
Кто-то новый несёт тебе кофе в постель.
Только тень от меня, как страница, белеет
В книге, что скрыла метель.

Поезд и Ты

Где-то сейчас ты смотришь в окно,
Мелькаешь в дороге, как сон наяву.
Рельсы поют под тобой как в кино,
Время течёт, не оставив слезу...

То ли ты спишь, прикорнув у каморки,
То ли глядишь, как мелькает лес,
А за окном, как чье-то упреки
Станции, к которым утрачен вес.

Ты лежишь в вагоне пустом,
Кондуктор в тамбуре курит вполоборота.
Где-то город пройден пешком,
Где-то ждёт тебя свобода.

Поезд замирает, то бьется в упор.
В последнем купе звенит твой телефон.
Сквозь стёкла – туман и немой разговор,
Каждый вагон лишь чей-то оборванный сон.

Дружба на краю света

Мы кружились в танце с океаном
Под аккорды шторма и мечты.
Ты играл, как будто небом дан нам.
Этот миг, без боли, без черты.

Ты смеялся, шляпу сбросив в воду,
Возвращаясь к музыке, к судьбе.
Я не спрашивал, зачем не ходит
Человек, кой не верит сам себе?

Но в ответах: тихий свет и ноты.
В них весь мир, который ты украл.
Друг мой, гений, странный и свободный,
Ты навек в легенду уплывал.

Мы прощались, уходя на берег,
Без упреков, без ненужных слов.
Ты остался там, где нет истерик,
Где рояль твой вечный кров.

А я помню, дружба – это море,
Где не нужен берег и предел.
Ты – мой друг, и в этом наша вера,

Даже если мир давно сгорел.

В чёрном небе – ни звёзд, ни просвета

В чёрном небе – ни звёзд, ни просвета,
В сердце – пустошь и мёртвая ширь.
Я не тобой, я собою согрета,
Я – не жизнь, я – сплошной пустырь.

Ты ушёл? Или я ушла? Не помню.
Только эхо в груди – как нож.
Я теперь никому не верна, не добра, не огромна,
Я теперь – только дрожь.

Обопрись о меня – я рассыплюсь.
Позови – не услышу, уйду.
Я так крепко с землёй засыпаю,
Что уже не приду я к утру.

Этот город – как склеп, эти стены – как саван,
Эти руки – чужие давно.
Я играла в любовь, я играла в забаву,
А в окошке – черным-черно.

Не жалея меня. Не надо. Не стоит.
Я сама выбрала этот грех.
Быть одной – это самое страшное горе,

После всех, после всех, после всех.

Я умру не от боли, не от разлуки,
Не от пули, не от ножа.

Я умру оттого, что живые руки
Не держат, не грешат, не дрожат.

Чёрный ангел, прими мою душу,

Она легче, чем пепел и дым.

Я сама свой покой разрушила,

Чтобы стать человеком простым.

Безмолвие

Она приходит без звонка, без стука,
Хозяйкой тихой в опустевший дом.
Ни одного не прозвучало звука,
Лишь тени шепчутся с ночным окном.

Горячий чай остыл в фарфоровой посуде,
Застыл узор на мерзнущем стекле.
Я здесь один. И были словно люди,
Да разбрелись, как листья по земле.

Я здесь один. И время тянут гири
Куда-то вниз, в немую глубину.
Мне в целом мире – не с кем в этом мире
Разбить тоски бессонную волну.

Я слышу, как манит половица,
Как ветер где-то поднимает вой.
И в этой тишине мне не укрыться
От разговора с собственной душой.

Она твердит, что это всё – награда,
Что в суете мы потеряли суть.
Но мне порой поговорить бы надо,

Да не с кем слова попросту вдохнуть.

И лишь в углу, где догорают свечи,
Мне чей-то образ призрачно знаком.
То одиночество назначило мне встречу,
Назвавшись самым вечным дневником.

Один

Молчанье бьет по крыше.
Не нужен больше мне никто,
И кажется, что где-то выше
Стоит Один, закутанный в пальто.

Его рука в кармане спит,
В ней ключ от комнаты в чуме,
Где ангел скрыт и не спешит
Явиться в дымном забытье.

А я ловлю в стакан воды
Последний отблеск фонарей,
Как будто в мире нет беды,
А только звон пустых дверей.

И этот час, что не спеша
Ползёт по ветке, как узор,
Стирает города, людей душа
Лишь слышит шёпот: «Нет опор».

Но тень его не отзовётся,
Лишь ветер сменит свой маршрут,
Чтоб в небе звёздное кольцо упрётся

Опять и снова в этот жалкий кнут.

Молчанье бьет по крыше,
Не нужен больше мне никто,
И кажется, что где-то выше
Стоит Один, закутанный в пальто.

Псина

Как жалкая псина ревет и ревет,
Покая он никому не дает.
Никем не любим, никому не родной,
Его одинокий, голодненький вой —

Лишь эхо стоит в глухой пустоте,
Крик в чёрной, затхлой, вонючей норе.
Он тьякает злобно, чтобы мир услышал,
Что он ещё есть, что он не пропал.

Но мир проходил, отворачивал взгляд —
В нём зрела обида, как сваренный яд,
Лишь сам для себя он и важен, и грозен,
В своей уязвимости жалко-серьёзен.

И слышит в ответ лишь молчанье стены
Да отзвук пустых его снов – тишины.
Так скуля, он и кончает свой век —
Ни другого, ни даже себя человек.

—

Как жалкая псина ревет и ревет,

Покоя он никому не дает.
Никому он не нужен, и сам это знает,
Оттого свою злобу он не скрывает.

Воет на звёзды, которым нет дела
До грязи его опустевшего тела.
И кажется, вот, задохнулся, устал,
И, кажется, хрип уже больше не стал.

Он тенью ползёт под забором кривым,
Чтоб завтра проснуться, назло, как живым.
И мнится ему в этом тяжком бреду,
Что где-то есть будка, клубок на полу.

И эхом далёким, чужие шаги
Стучат по проспекту, спешат до зари.
Ему ж – ни дороги, ни цели вдали,
Лишь пыль городская на сбитой шерсти.

Дверь

Я выпил солнце. Тьма в графине.
Пустой декабрь скребётся в щель, как зверь.
Я чувствую, что холод в половине
Моей груди. И эта половина – дверь.

Она скрипит. Она не заперта.
Она ведёт туда, где нету лета.
Туда, где тишина густа,
И нет ни «до», ни «после», ни яркого рассвета.

За этой дверью – не «ничто», не «вечность»,
А сонм теней, что вышли из зеркал.
Они жуют мою конечность,
Их взгляд, как пустота внутри опал.

И я пойду, но в страхе, не смиренно.
Зрачки сведу от боли в точку, в ноль.
А после – тишь. Ни звука. Совершенно.
Лишь мокрый снег на тротуар, как соль.

И в чьём-то горле ком, как будто плач,
Но это просто ледяной спазм глотки.
Коснулся холода торжественный палач,

И нету стонов, и даже слезы кротки.

Я выпил солнце. Тьма в графине.

И тот, кто в зеркале, уже не зверь.

Лишь холод, что в любой, в любой помине

Стоит в груди. И эта тяжесть – дверь.

Безмолвный пир

Мой силуэт на тротуарах тает,
Под фонарем бездомный взгляд.
И город молча понимает,
Что мне никто не будет рад.

Проходят люди, будто тени,
Их смех доносится едва.
Одни счастливы в мгновенье,
Другие пока падает листва.

И в четырёх стенах знакомых
Тишь нарушает только ход часов.
Я слышу шорохи искомых,
Что шепчут мне из всех углов.

Что день, что ночь – одно и то же:
Безмолвный пир, немой обед.
И в сердце, словно в пустой ложе,
Уже не жду чужих побед.

И я опять на улице в метель,
Где фонари меня поймали в сеть.
И кажется, что в шуме тех качель,

Мне даже некого жалеть.

И ветер ворошит былые дали,

Где счастье где-то пело в такт.

Но я опять один, и нет печали —

Лишь тихий, долгий снегопад.

Сквозь шумный город я иду один

Сквозь шумный город я иду один,
Со мною лишь безмолвный лунный свет.
Мелькают лица отражающих витрин,
Но для меня знакомых нет и нет.

В предутренний, продрогший час,
Когда окрашен в синь восток,
Я слышу – эхо мчится в пляс,
Моих шагов одинокий ток.

А ночь придёт – она длинней и краше
Для тех, чей мир с душой навек.
Горят огни в бездонной чаше,
И каждый светит человек.

И нет конца пути земному,
Где поворот – как вызов мне.
Всё в этом мире мне родному,
В моей безбрежной тишине.

Аквариум

Тишина в комнате пустой,
Часы твердят одно: «Ты за стеной стеклянной».
И эхо собственных шагов —
Герои пьесы безымянной.

Горит экран безликий и немой,
В нем призраки иных веселий и улыбок.
И кажется, что целый мир чужой,
Как остров без причалов и без рыбок.

Одиночество – не грусть, а тихий спуск
На дно аквариума, где прозрачны стены.
Глотаешь воздух, преодолевая вкус,
И видишь, как смеются манекены.

И в этой ясности бездонной,
Где нет ни боли, ни страстей,
Ты – лишь рисунок на стекле холодном,
Забывтый даже для теней.

Осень в груди

За окном – фонари, как слепые пришельцы,
Растеряли лучи по сырому стеклу.
Я гашу в себе всё, что умело молиться,
И сижу на продавленном старом полу.

Ничего не болит. Просто вечер тягучий,
Просто дождь, как наждачкой, скребёт по душе.
Мы с тобою, судьба, словно старые клячи,
Дотащили воз жизни до вешки уже.

Где же вы, те, с кем мы поднимали бокалы,
Разбивали в хрусталь надежды и сны?
Разбрелись по углам, словно тараканы,
Похоронной процессией чьей-то весны.

Я люблю эту боль, что приходит без стука,
Забирается в лёгкие, в кровь, под кадык.
Это вечная, горькая, женская штука —
Понимать, что момент твой земной – только миг.

В телефонной трубке – лишь гудки, да и те обрываются,
В доме холодно, батареи едва-едва пышут.
Только мысли, как нищие, по переулкам таскаются,

И никто их не слышит. Никто их не слышит.

А хотелось бы выть на луну, как последний шакал,
Или просто уснуть, и не видеть ни снов, ни рассвета.
Только кто б мне билет в это «просто уснуть» бы продал?
Только где же та дверь, за которой кончается это?

Оттого и хожу, собирая окурки с асфальта,
Оттого и молчу, что слова – это только враньё.
Наша жизнь – как глухая, пустая, слепая палата,
Где на тумбочке выдохлось чая моё забытьё.

А за стенкой соседка всё плачет, заводит пластинку,
Голос старый, хриплый, как листья на мокром песке.

Я прижмусь лбом к стеклу, к этой тонкой и хрупкой
льдинке,

И растаю опять в неизвестном, пустом далеке.

Часы

Я как старые часы с боем,
Тикаю, но вечно вру.
То спешу, когда не стоит,
То отстану поутру.
Кто-то мается с пружиной,
Кто-то стрелки перевёл,
А я жизнь, как валерьянку,
Пью, чтоб не сводило ствол.

В детстве верил: всё успею,
Впереди – вагон минут.
А теперь я вот жалею,
Что не там, где меня не ждут.
Что спешил туда, где пусто,
Что молчал, где надо бы кричать,
Что играл в чужие чувства,
Не умея отвечать.

Время – сволочь. Но какая!
Не придерёшься – не вернёшь.
Только тикает, скупая,
И твердит: «Ну что, умрёшь?»
Я ей: «Тише, погоди ты,

Разреши мне доиграть.
Дай хоть эти все обиды
Тем, кого люблю, раздать».

А часы в ответ: «Не надо.
Ни к чему твои долги.
Всё, что прожил – за награду,
Всё, что было – за враги.
Ничего не возвратится,
Никого не воскресить.
Остаётся только злиться,
Или просто тихо жить».

А я живу. Еле-еле,
Между тик и между так.
Как актёр на самом деле,
А на сцене – просто мрак.
Ни суфлёра, ни партнёра,
Только зритель на втором ряду.
Он сидит и смотрит скоро
На мою с тобой игру.

А часы всё тикают, сволочи,
Без пощады, без конца.
Проживу я дни и ночи —
Не увижу их лица.

Только эхо где-то в зале
Повторяет: «Не спеши».
А часы уже устали
Биться в каменной тиши.

Монолог у зеркала

Я роль сыграл. Кому какое дело,
Что за кулисами я выжат и устал.
Душа, как старая актриса, надоела,
А я всё тот же, кто с неё играл.

Мы все актёры. Только декорации
Меняет кто-то свыше, не спеша.
Одни играют гениев нации,
Другие – просто роль шута.

А третьи так, на выходах, с табличками,
Пронесят молча стул или копьё.
И награждают жизнь привычками,
Чтоб не смотреть в лицо её.

Я сам себе и режиссёр, и зритель,
Судья суровый и святоша, и блудник.
Я сам себе распахнутая дверь,
И сам себе – безликий лик.

Я аплодирую себе, когда не больно,
Когда в глаза не лезет этот свет.
Но знаю я: сыграл я роль довольно,

А вот сыграл ли жизнь? Вот в чём вопрос, поэт.

Мы все уходим за кулисы вечности,
Где нет ни грима, ни чужих оваций.
Там не спасут ни титулы, ни встречи,
Ни эти жалкие потуги на графаций¹.

Там спросят строго: «Ты зачем кривлялся?
Кого любил? Кому перебежал?»
И я пойму, что просто заигрался,
И что финал уже настал.

А женщинам я верил, как софитам,
Они мне свет дарили и тепло.
Но жизнь прошла. Я стал плохим пиитом,
Которому всё время не везло.

---

¹ Авторский неологизм, вобравший в себя оттенки «грации» (изящество) и «графо» (письмо). Здесь – символ тщетных попыток казаться красивее и значимее, чем ты есть, с помощью слов и масок.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.